ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ СИБИРСКИХ КАДЕТОВ ПО ВОПРОСАМ РЕЛИГИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В.Т. Хандорин

Политическое бессилие российской демократии, наглядно проявившееся после Февральской революции 1917 г. перед лицом кризиса и анархии, поколебало самые основы мировоззрения кадетской партии, зиждившиеся (за исключением отдельных правых ее деятелей) на либерально-западническом позитивизме и рационалистическом отношении к религии. Особенно зримо это проявилось на примере кадетов Сибири, до революции в большинстве своем находившихся на левом фланге партии и тяготевших к союзу с социалистами. Уже в критические летние месяцы 1917 г. тревожные симптомы разложения фронта и тыла, дестабилизации положения в стране заставили многих из них размышлять о национальной психологии. Пытаясь раскрыть природу большевизма и секрет его влияния на массы, омские кадеты цитировали Н.А. Бердяева: «Русская социал-демократия хотя и сложилась теоретически под влиянием германской и находится у нее в рабстве, но носит на себе специфически русские, совершенно восточные черты... Русский большевизм и максимализм есть порождение азиатской души, отвращающейся от западных путей культурного развития и культурного творчества... Идея Интернационала есть болезненное классовое извращение и искажение великой идеи единства человечества и братства народов... Бесчеловечность... не есть утрата и упразднение национальностей... У русских есть добродетели, которые опаснее пороков, есть какой-то расслабляющий морализм, есть что-то овечье. Слабость характера и овечьи добродетели - благоприятная почва для всяческой демагогии»[1]. Характерно, что в этом отрывке проглядывает попытка приписать народу грехи российской интеллигенции. Ведь если кому и был свойствен «расслабляющий морализм», то в первую очередь ее представителям и кумирам, от Толстого и Достоевского до Чехова.

Характерно и такое наблюдение, сделанное на основе роста антивоенных настроений: «Одна из удивительных и печальных особенностей русской революции состоит в том, что... великороссы обнаружили в своей массе почти полное отсутствие не только всероссийского, но и просто национального великорусского чувства»[2].

Омский кадетский журналист А. Руссов указывал, что распространенное среди русской интеллигенции «... преклонение перед страданиями родного народа» привело к нетипичному для западных интеллектуалов романтическому «народопоклонству». Объясняя эту особенность национальной психологией русского человека, его эмоциональной отзывчивостью, он отмечал, что в условиях авторитарного царского режима «народопоклонство» развилось, в своего рода религию, «... творившую чудеса, посылавшую... на каторгу и в ссылку, в тюрьму и на виселицу». Однако после свершения революции жизнь развеяла сентиментальные иллюзии: «народ оказался сложнее», чем представляла его себе интеллигенция, и тогда она растерялась, не зная, что делать[3].

Тенденция отрезвления от безоговорочного преклонения перед народом, дань которому отчасти отдади в свое время и кадеты (хотя и в гораздо меньшей степени, нежели эсеры и иные социалисты), постепенно нарастала в кадетской среде. В более резких тонах писали об этом иркутские кадеты: «Более полустолетия русская интеллигенция воспевала народ в стихах и прозе как нечто бесконечно доброе, чистое, светлое, могучее... И вот лик этот понемногу

[1] См.: Сибирская речь (Омск). 1917.17 июня.
[2] См.: Сибирская речь (Омск). 1917.17 июня..
[3] См.: Там же. 30 сент.

начал проявляться... Это бесконечное варварство, дикость, злоба, беспощадность и бессмысленность... Жгут на кострах Толстого, Герцена, Достоевского, исчезают с лица земли культурные хозяйства... Господа интеллигенты-народники, покаемся всенародно - это наш грех... ибо и в Священном Писании сказано: не сотвори себе кумира». И делали вывод: «Пора понять, что народу нужно просвещение, нужна дисциплина, нужно руководство честное, твердое, а... не потворство его страстям»[1].

Размышления о необходимости учета национальной ментальности закономерно привели кадетов к переоценке роли и значения Церкви. Знаменательным в этом отношении стал произошедший на 9-м партийном съезде в июле 1917 г. поворот политики в отношении Церкви. Если раньше партийная программа предусматривала ее отделение от государства, то в новой ее редакции говорилось о Русской Православной Церкви как об одном из государственных институтов публично-правового характера, помощь которому со стороны государства будет оказываться как господствующей в нем религии-. Это особенно существенно с учетом того, что ранее кадеты в большинстве относились к ней с традиционным для интеллигенции безразличием (в противоположность октябристам). Теперь, во многом под влиянием объединения с ними после Февральской революции, но главным образом под воздействием коллапса российской демократии, произошла переоценка ценностей. В этой же программе Церкви предоставлялась свобода самоуправления через посредство Поместных Соборов (с другой стороны, в рамках свободы совести церковная регистрация браков заменялась гражданской).

Однако до Октября 1917 г. большинство кадетов все же продолжало отдавать приоритет традиционным для партии западным стандартам. Иркутская кадетская газета «Свободный край» в редакционной статье «Революция и самобытность», отождествляя положение в России с анархией первых лет Французской революции, писала: «Что же касается самобытности, то пока забудем о ней, ибо все разумное, вечное, светлое пришло к нам с Запада, а те пережитки самобытности, которые еще крепко сидят в нашем русском нутре, мы должны изжить. И чем скорее, тем лучше»[3].

Процесс переоценки национальных ценностей получил свое развитие после Октябрьского переворота и утверждения у власти большевиков. Среди сибирских кадетов возобладало правое направление с центром в Омске, склонявшееся к типичному для дореволюционных октябристов мнению о существенном отличии исторического пути России от Запада. Они поддерживали идеи П.Б. Струве, в своих статьях констатировавшего, что революция обернулась для России национальным банкротством и мировым позором, в чем он усматривал огромную долю вины интеллигенции[4]. Подхватывая эти мысли и развивая начатую еще в 1917 г. борьбу с «народопоклонством», омский кадетский лидер В.А. Жардецкий противопоставил эсеровскому лозунгу «Все для народа, все через народ!» лозунг: «Все для России, все через культуру!»[5].

После падения советской власти в Сибири летом 1918 г. в центре внимания кадетов, наряду с вопросами государственного строительства, находились поиски его духовной, идеологической основы. Принципиальное значение имело изменение отношения к религии. Когда эсеровское большинство Иркутской городской думы в 1918 г. отменило преподавание Закона Божьего в начальных школах (с формулировкой: «как противоречащего научному изучению природы»), местные кадеты резко осудили такое решение как негосударственное, а их лидер Н.Н. Горчаков назвал его инициаторов «достойными коллегами большевиков» и «демагогами»[6].

Поворот идеологии сибирских либералов в сторону духовных национальных начал достиг своего апогея в период диктатуры А.В. Колчака (ноябрь 1918 - январь 1920 гг.), главной политической опорой которого стала кадетская партия. Развивая тему ответственности интеллектуальной элиты страны, рупор Восточного отдела ЦК кадетской партии газета «Сибирская речь» указывала, что прежнее расхожее суждение о «грехе интеллигенции перед народом» должно быть заменено выводом о «грехе интеллигенции перед Родиной»[7]. Не раз указывала газета и на то, что важнейшей идейной предпосыл-

[1] См.: Свободный край (Иркутск). 1917. 6 окт.
[2] Отчет о 9-м съезде Партии народной свободы // Речь (Пг.). 1917. 28 июля.
[3] См.: Революция и самобытность // Свободный край. 1917. 5 нояб.
[4] *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи. Б/м, 1918. С. 279.
[5] См.: Сибирская речь. 1918. 23 июня.
[6] ГА ИО. Ф. 70 (Иркутская городская дума). Оп. 4. Д. 524. Л. 458-459. Протоколы заседаний Иркутской городской думы за 1918 г.
[7] См.: Сибирская речь. 1919. 10 авг.

кой большевизма с его материалистическим культом была слабость духовных начал в среде интеллигенции, ее «фанатичное, религиозное преклонение перед материальной культурой и материальным прогрессом»[1].

Обращалось внимание в кадетской прессе того времени и на свойственную российской интеллигенции психологическую неустойчивость в политической борьбе. «Характерной чертой русского интеллигента, - писал «Свободный край», - всегда была крайность настроений. Мы не знаем середины: или впадаем в самый мрачный пессимизм, или пребываем в телячьем восторге. К длительному, ровному напряжению, к упорному и настойчивому проведению своей линии мы всего менее склонны. Мы или опускаем беспомощно руки, или бестолково размахиваем ими в воздухе»[2].

Развивая мысль о приоритете национального начала над социальным, «Сибирская речь» писала: «Мы много смеялись над немецким лозунгом «Германия превыше всего», а между тем немцы с этим лозунгом сумели создать сильнейшее государство... мы же со своими широчайшими утопиями обратились в мировое позорище». Пытаясь соединить традиционное для кадетов западничество с национализмом, газета утверждала, что одно не противоречит другому, если рассматривать их как соединение двух здоровых прагматических начал. Говоря о моральном кризисе, переживаемом русской интеллигенцией после революции, призывая ее изжить неверие и пессимизм, кадеты провозглашали: «Спасение от них - только в национализме, который один может одухотворить и нашу полу умершую литературу»[3].

Теперь идеологи сибирских кадетов ставили в вину русской интеллигенции прежний, в значительной степени космополитический и строго демократический курс, до революции разделявшийся самими кадетами. При этом у них хватало честности и мужества не снимать с себя ответственности за это. Видный деятель Восточного отдела ЦК кадетской партии Н.В. Устрялов в статье «Большевики и мы» обличал традиционное интеллигентское миросозерцание: «Длительная невозможность практической деятельности в сфере общественно-политической воспитала в широких интеллигентских кругах одностороннюю «теоретичность», близорукую влюбленность в программы и отвлеченные идеалы... Поверхностный, банальный и устаревший позитивизм в качестве основы общественного миросозерцания, дешевая религия прогресса в стиле Конта и Фейербаха» довлели над большинством дореволюционной интеллигенции, а в радикальных ее кругах они привели к увлечению социализмом. Итогом, по его словам, стало попустительство «антигосударственным элементам», когда интеллигенция своей приверженностью к демократии сама расчистила дорогу к власти большевикам. В заключение статьи Устрялов писал: «Окончательная победа над большевизмом - в окончательном преодолении русской интеллигенцией ее прошлого... в отказе от прежней системы идей, чувств и действий... Русская интеллигенция должна сказать большевизму: - Я тебя породила, я тебя и убью»[4].

Позиция либералов в отношении Церкви оставалась неоднозначной. Признавая ее морально-воспитательное значение, выступая за сохранение Закона Божьего в школах и за тесный союз с Церковью в антибольшевистской борьбе, они вместе с тем не считали необходимым для себя полностью принимать традиционные, весьма консервативные установки православия. Иркутский кадетский лидер Н.Н. Горчаков в ответ на упрек в адрес партии в «безрелигиозности» возразил: «Разве религия - партийное дело?»[5].

При этом кадеты отводили религии роль необходимого связующего звена между интеллигенцией и народом. Называя революцию «страшным судом над интеллигентщиной», вынудившим ее обратить взоры к «царству Духа, а не Материи», «Сибирская речь» заявляла: «Самый простой путь для того, чтобы перебросить мост от интеллигента к крестьянину, лежит через религию (выделено мной - В.Х.)»[6].

Довольно прозрачно формулировала кадетская пресса и ту функцию Церкви, которую еще Вольтер охарактеризовал как «узда для народа»: «Церковь - фактор, организующий дух народа, делающий народ дисциплинированным, лишенным свойств зверя»[7]. И эту организующую роль Церкви и религии многие либералы были склонны расценивать значительно выше, чем нравственную.

[1] Там же. 12 марта.
[2] См.: Свободный край. 1919. 20 июня.
[3] См.: Сибирская речь. 1918. 4 сент.
[4] Устрялов Н.В. Большевики и мы // Сибирская речь. 1919.12 аир.
[5] См.: Свободный край. 1919. 25 мая.
[6] См.: Сибирская речь (Омск). 1919. 22 марта.
[7] Там же. 7 мая.

Официальная позиция кадетской партии по вопросу о церкви была выражена в п. 15 «тактической» резолюции 3-й Восточной партконференции, состоявшейся в мае 1919 г. в Омске. Она гласила о поддержке православной Церкви как «хранительницы исторического бытия духовного лица России» при соблюдении свободы совести[1]. Кадеты поддержали отмену советского декрета об отделении Церкви от государства, ассигнования правительства А.В. Колчака из государственного казначейства на содержание Высшего временного церковного управления в Омске, восстановление преподавания в школах Закона Божьего (правда, идя навстречу требованиям свободы совести, колчаковское правительство разрешило освобождать от его изучения по заявлениям родителей учеников, а с 16 лет - по желанию самих учеников).

С другой стороны, кадеты выступали против прямого, непосредственного участия Церкви в политике. Поводом к обсуждению этого вопроса послужила деятельность епископа уфимского Андрея (Ухтомского), вопреки мнению Временного высшего церковного управления выступавшего за организацию «народной православно-приходской партии» и активное внедрение Церкви во все сферы общественной жизни с целью повышения влияния на народные массы. Позицию кадетской партии по данному вопросу выразила «Сибирская речь»: «Христианство прежде всего имеет дело с индивидуальной человеческой душой, - писала она. - Вопросы экономики и политики как таковые не должны и не могут интересовать Церковь. Они приобретают для нее значение лишь как факторы производные... Для государства область экономики и политики самое ценное и важное, для Церкви - это лишь случайный элемент, с которым ей приходится только частично соприкасаться». Отвергая ссылки сторонников епископа Андрея на раннее христианство, где экономическая деятельность церковных общин играла существенную (но, опять же, второстепенную) роль, центральная кадетская газета отмечала, что в этих общинах были представлены лишь люди, спаянные общими духовными ценностями, тогда как уфимские приходы вовлекали в свою предпринимательскую деятельность всех желающих, «... опускаясь в область чисто материальную, далекую и даже противоположную всякой духовности». «Здесь уже несомненная подмена хлеба духовного хлебом насущным», заключала газета, попытка «прельщать возможностью получить из приходских организаций дешевый хлеб»[2]. Данная позиция кадетов совпадала с мнением колчаковского правительства и его Высшего временного церковного управления во главе с архиепископом омским Сильвестром (Ольшанским).

Надежды сибирских либералов, и прежде всего кадетов на помощь Церкви и религии усиливаются в критический переломный период лета и осени 1919 г., когда армия Колчака понесла серьезные поражения, но при этом фронт еще сохранял относительную прочность. Все чаще в их среде звучало мнение, что влияние Церкви может оказаться важнее всего остального, включая даже помощь Антанты, поскольку может обеспечить духовное возрождение народа, его возврат к «корням». При этом еще резче, чем раньше, бичевались традиционный интеллигентский атеизм и «академическое» западничество. «Интеллигентский охлос, - писал омский кадетский публицист А. Руссов, - не чувствует сердцем истока воды живой... В то время, как крестьянин русский и даже мусульманин поднимает знамя веры, один - святой крест, другой - полумесяц, интеллигенция предпочитает щеголять в гнилых, рваных одеждах "культуры и права"... Народ рассматривается ею сквозь старый хлам книжных доктринерских понятий... И когда крест в его мозолистой руке одолеет всю нечисть и нежить, когда история наденет на него венец победы и воскреснет Святая Русь, интеллигент пойдет в хвосте за победителем»[3]. Кадетский лидер В.Н. Пепеляев на посту министра внутренних дел Российского правительства А.В. Колчака и члена Совета Верховного правителя содействовал организации военных добровольческих дружин Святого Креста, создававшихся в эти месяцы под религиозными лозунгами. В его дневнике сохранилась запись: «Раньше некоторые министры советовали мне не связывать своего имени с этими «черносотенцами» и их движением. Я же предпочитаю связывать»[4]. Впрочем, практические результаты этой деятельности: были невелики, ограничившись формированием «дружин Святого Креста» и мусульманских «отрядов Зеленого Зна-

[1] Отчет о 3-й Восточной конференции Партии народной свободы // Сибирская речь. 1919. 28 мая; Свободный край. 1919. 29 мая.
[2] См.: Сибирская речь. 1919. 22 мая.
[3] См.: Сибирская речь. 1919. 27 сент.
[4] ГА НО. Ф. д-158 (В.Н. Пепеляев, А.Н. Пепеляев). Оп. 1. Д. 2. Л. 115. Дневник В.Н. Пспеляева.

мени», в сумме составивших всего одну регулярную дивизию.

Идеологическая роль кадетской партии при режиме А.В. Колчака была огромной, во многом определяющей. Необходимость разработки полноценной новой национальной идеологии осознавалась как военными вождями Белого движения, так и кадетскими лидерами. «Сибирская речь» писала: «Творческая работа в области создания этой единой и сильной идеологии - таковы текущие задачи русской интеллигенции»[1]. Однако выработать такую идеологию, которая могла бы стать альтернативой большевизму в глазах широких масс народа, на практике не удалось. Во многом из-за того, что слишком велик был груз прежних западнических воззрений. И в еще большей степени по той причине, что ни военные лидеры, ни окружавшие их политические интеллектуалы не сумели решительно повернуть навстречу нуждам народа. На практике в интересах консолидации разрабатывали не идеологию, которая имела бы под собой прочную духовную основу и могла бы сплачивать, а всего лишь программу, основанную на компромиссе, который никого по-настоящему не удовлетворял.

Таким образом, в эволюции базовых основ мировоззрения в сторону поисков национальных начал проявился общий дрейф кадетской партии вправо под влиянием событий 1917 г., выявивших полную несостоятельность демократических западных моделей управления в экстремальной обстановке и в отсутствие в России соответствующих традиций. Такой поворот имел прагматичное содержание, но остался незавершенным ввиду наступившего вскоре военного краха Белого движения в Сибири и России.

© Хандорин В.Г.

[1] См.: Сибирская речь. 1919. 18 июня.